

УДК 1 (091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.193

Т.Н. ГРАНОВСКИЙ: ФАКТЫ И МИФЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

(статья вторая)

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Цель второй статьи по данной теме остается прежней – продолжить рассмотрение того, как сочетаются в текстах Грановского факт и миф и какой исследовательский эффект приобретают столь разные источники на выходе. Для наглядности изложения в этот раз выбран образ Карла Великого. Сделан вывод о том, что в сочинениях Грановского доказательные источники и мифы, взятые воедино, помогают сделать облик исторической личности многогранным. Работа с фактами олицетворяет профессиональный взгляд на деятельность императора, а легенды и предания свидетельствуют о «признательной памяти» потомков и силе «народного воображения».

Ключевые слова: *Т.Н. Грановский, история, средневековая культура, исторический факт, миф.*

В первой статье «Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры» иллюстративно рассмотрен портрет Жанны д'Арк, изложенный московским профессором в его лекциях по истории средневековой культуры. Сделан вывод о том, что столь разные источники не противоречат друг другу, а, наоборот, взятые воедино, производят на выходе особый исследовательский эффект – симбиоз научно-критического и «живого» знания¹.

Цель второй статьи – продолжить рассмотрение того, как сочетаются в текстах Грановского фактические знания и предания и какое воздействие оказывают столь разные источники на самого автора, а также на его читателей и слушателей. Для наглядности изложения в этот раз выбран образ Карла Великого.

В новейшей исследовательской литературе интерес к фигуре Карла Великого не угасает. Очевиден общий посыл авторов: они солидаризируются, называя Карла Великого исторической личностью, оказавшейся способной упорядочить мир раннего Средневековья и вытянуть его из пучины «варварства» (М. Элиаде) [6, с. 109]. Одновременно наблюдается разнообразие тематизации, обусловленное интересами самих исследователей: проводятся параллели между правлением Карла Великого и Петра Великого в

¹ Михайлова Е.Е. Т.Н. Грановский: факты и мифы средневековой культуры (статья первая) // Вестник Тверского государственного университета. 2024. № 1 (67). С. 141–147.

контексте мессианской идеи империи (В.Н. Смирнов); реконструируются сочинения франкских писателей IX в. для обнаружения возможных ассоциаций их текстов с библейскими сюжетами (О.И. Симинченко) или с образцами классической античной риторики (М.Р. Ненарокова) и другие аспекты [3–5].

Материал статьи предполагает мысленную разбивку на две части – «записанная история» и «изустные предания». Название каждой части выбрано из терминологии самого Грановского. «Записанная история» для него – это доказательное прочтение исторического прошлого, основанное на источниках, в частности, эпохи Карла Великого [1, с. 404]; «изустные предания» для него – это художественное погружение в историю [2, с. 238].

«Записанная история»

Для Грановского Карл Великий – завоеватель, законодатель и просветитель Западной Европы. Грановский ссылается на «Историю цивилизаций» Ф. Гизо, который подсчитал число походов Карла Великого и составил таблицу, в которой сведены воедино цели и результаты пятидесяти трех военных действий. Двигаясь по источникам, Грановский оценивает все походы как наступательные, несущие в себе в первую очередь не идею грабежа или стремления к славе, а «государственную мысль» об объединении народов по аналогии с Римской империей. Предшественники Карла Великого вели исключительно оборонительные войны. Так, например, его предшественник Пипин Короткий отбивался от нашествия германских и славянских племен и боролся с внутренней оппозицией. Карл Великий осуществил несколько больших войн, одни из которых попали в лекции по истории средневековой культуры, другие выведены Грановским за скобки. Подробно описаны войны с лангобардами 772–774 гг., с саксами 772–803 гг., с аварами (гуннами) 791–798 гг. и до полного ее окончания в 804 г. Покорение гуннов Грановский называет «величайшей заслугой» Карла Великого перед западной цивилизацией [1, с. 285].

Особым образом в «Лекциях по истории средневековья» описывается поход против испанских мавров в 788 г. Войско Карла Великого дошло до стен Сарагосы, но под давлением двух обстоятельств – измены союзников и резкого объединения мусульманского населения против христиан – вынуждено было отступить. Интересна трактовка итогов этого похода. Несмотря на военную неудачу, Грановский в целом дает положительную оценку. Во-первых, в империю Карла Великого, которая к этому времени включала уже земли нынешней Британии, Скандинавии, Западной России и Византии, вошла Каталония. Как следствие, здесь, по словам Грановского, стало наблюдаться переплетение западной и восточной культур, нашедшее свое яркое отражение в искусстве и повседневной культуре Прованса. Во-вторых, поход против арабов, имевший для самого Карла исключительно политическое значение, приобрел священный характер благодаря

тому, что «народная фантазия разыгралась на эту тему религиозным образом» [1, с. 286].

Грановский полемизирует с теми, кто считает, что завоевания Карла Великого оказались масштабными, но временными. Оппоненты для обоснования своего суждения называли тот факт, что уже при ближайших преемниках империя разложилась и стала «театром опустошительных набегов со стороны германцев, славян и сарацин (арабов)» [1, с. 259]. В качестве встречного аргумента Грановский предлагает рассуждать так: империя распалась не хаотично, а вполне логично, по устойчивым территориальным локациям, по административным маркам – линиям пограничных областей с крепостями и дружинами во главе с правителями маркграфами. В итоге империя разложилась в пределах испанской, бретонской, лангобардской, баварской, франкской и других крупных марок, выстроенных и назначенных в свое время самим правителем. Следовательно, завоевательную деятельность Карла Великого можно оценивать как историческую подготовку почвы для создания и развития будущих самостоятельных западноевропейских государств.

Не согласен Грановский и с принижением роли Карла Великого как законодателя. До него правители или занимались устройством внутреннего порядка в своих хаотических обществах, или, наоборот, вынуждены были вести оборонительную войну. «Карл нашел время для того и другого... он умел приравнивать римские предания к потребностям современным и местным» [1, с. 287]. Правотворчество франкского монарха Грановский анализирует поэтапно: до принятия императорского титула и после. С одной стороны, по внешним факторам, считает историк, правление Карла практически не изменилось. С другой стороны, смена звания кунига как верховного правителя Франкской монархии на титул императора Римской империи ментально сыграло значительную роль. До этого момента народы, входившие в состав монархии, были соединены правом насилия. Принятие титула придавало легитимность владычеству над собранными воедино народами.

25 декабря 800 г. Карл присутствовал на рождественской церемонии в Ватикане, где произошла его коронация в качестве римского императора. Впоследствии это вызвало сильное недовольство византийцев, поскольку титул императора исконно принадлежал Византии [6, с. 263]. В этом историческом моменте показания свидетельств расходятся. Со слов придворного ученого Эйнхарда, Карл не знал об этом и был приятно встревожен, и, наоборот, согласно записям богослова Алкуина, знал и ожидал этого события. Как профессиональный историк, Грановский не принимает ни одну из сторон в силу субъективности доказательств, однако пытается примирить противоречивые факты. Возможно, Карл не знал о дне венчания, но мысль об этом уже сидела у него в голове. В любом случае остается неопровержимым тот факт, что организация торжественной присяги была осуществлена весьма поспешно. Таким образом, правление, державшееся исключительно

на превентивных мерах, с коронацией Карла Великого приобрело характер «повелительный, властительский», – делает вывод Грановский [1, с. 288].

С профессиональной точки зрения законодательная деятельность Карла Великого вызывает у Грановского меньше сомнений и вопросов, чем завоевательная и просветительская, поскольку в распоряжении историка были такие серьезные источники, как «капитулярии». Так именовались законы франкских монархов, формирующиеся еще со времен Меровингов. Названный на латинский манер от слова «глава», свод законов включал в себя частное, высшее и общее право гражданской жизни. В бытность Карла Великого эти документы обрели новый вид и были пересобраны в соответствии с потребностями текущего времени. Письменные тексты законов носили динамичный характер: они переправлялись, переводились с латинского на «туземные» языки, например, на немецкий, дополнялись в связи с новыми обстоятельствами. Не будучи завершенными, капитулярии сыграли преемственную историческую роль, связав законодательство самостоятельных европейских образований общностью учреждений, в частности, организацией в форме административных марок.

Просветительская деятельность Карла Великого для Грановского является примером того, какими нитями связан средневековый мир с древним. В фактологический ряд изложения темы Грановский не вносит особой новизны, доверяя авторитетным специалистам. Поскольку главным предметом его собственных исследовательских интересов было устройство средневековых городов и сельских общин, он использует первоисточники – тексты придворных ученых Эйнхарда и Алкуина, а также доверяет работе Ф. Гизо «История цивилизации во Франции» (1877) и довольно часто цитирует французского историка. Картина культурного вклада Карла Великого рисуется Грановским широко – открытие школ при монастырях для повышения образованности духовных лиц; учреждение народных школ при церквях, в обязанность которых входило учить простой народ «читать и петь»; образование ученого общества при дворе императора; оформление грамматики немецкого языка; создание библиотек и собирание древних германских преданий. Единственное уточнение, которое позволяет себе Грановский, это развенчивание мнения о том, что при Карле Великом был основан Парижский университет. Здесь историк приводит два аргумента. Во-первых, император никогда не жил в Париже, представлявшем в его времена «вовсе незначительное место», по выражению Грановского. Во-вторых, Парижский университет возник не ранее XI в., реализовав нарастающую потребность преподавать не только в церковных школах, устроенных Карлом, а создавать свободные корпорации теологов и богословов [1, с. 291].

Гораздо интереснее выглядит оценочная позиция Грановского просветительской деятельности императора Карла. Она представлена двумя умозаключениями: касательно содержания школьного образования и мнения придворных о самой персоне просвещенного монарха. В первом случае

Грановский одобрительно отзывается о числе открытых школ, положивших начало образованности в империи Карла Великого. При этом он считает нужным отметить, что тексты, по которым учили, были скорее компиляциями, доступными и более понятными тогдашнему читателю, нежели подлинниками великих произведений Древней Греции и Рима [1, с. 270]. Во втором случае Грановский сравнивает просвещенческие усилия Карла Великого и Петра I и находит в них общую черту – как французская аристократия IX века, «за исключением великих умов, окружавших Карла», так и русское боярство XVIII в. всячески сопротивлялись переменам [1, с. 291].

Имя Карла Великого многие века считалось священным и авторитетным. Как центрирующая фигура средневековой истории, по наблюдениям Грановского, он долго продолжал жить и в головах, и в действиях последующих правителей. В качестве подтверждения русский историк приводит в пример то, как спустя много веков колоссально честолюбивые короли из дома Лотарингских герцогов настаивали на главном, на их взгляд, аргументе в борьбе против Капетингов – на своем происхождении от Карла Великого [1, с. 193]. Рефреном идет мысль Грановского о том, как сильны его «живые следы» и в институциях (феодализм, рыцарство, империя), и в учреждениях (муниципальное устройство, вассальное право, христианская церковь), и в произведениях искусств («Песнь о Роланде»), и в строительстве городов и храмов (дворцовая капелла и башня в Ахене [1, с. 293]).

«Изустные предания»

Анализ нескольких легенд о Карле Великом помогает рассмотреть, какой художественный эффект для слушателя/читателя могут создать предания и свидетельства, не нарушая принципа научности исторического изложения. Особо отметим, что Грановский сам перевел на русский язык несколько преданий, посвященных Карлу Великому, из фольклорного собрания 1816 г. братьев Гриммов [1, с. 404].

Одно из первых преданий – «Карл и Дезидерий Лангобардский» – описывает поход Карла против лангобардов: германских племен, создавших двумя веками ранее описываемых событий свое королевство на территории нынешней Северной Италии. Фактологическая канва включает расторжение Карлом своего брака с дочерью лангобардского кунига и возвращение ее в дом отца [в данном поэтическом варианте роль изгнанника олицетворяет Огер, благородный франк, якобы бежавший от гнева монарха. – *Е.М.*] и поэтапное военное столкновение с лангобардами. Виртуальная составляющая легенды включает такие символы, как башня, ряды воинов и духовных лиц, а также железное облачение Карла. В моменте все они имеют реальную подоплеку и видны по текстам Грановского. Башня, на которой Дезидерий и Огер ожидают прихода противника и ведут тревожный диалог с повторением одного и того же вопроса – «Не здесь ли сам Карл?», – сим-

волизирует, если так можно выразиться, взгляд с птичьего полета на бескрайние пространства Франкского государства. Кроме того, башня имеет свое реальное воплощение наряду с капеллой во дворцовом ансамбле, построенном Карлом в городе Ахене в 786 г. Ряды епископов, аббатов и священников, идущие вместе с войском, символизируют главные направления политики Карла – расширение монархии и укрепление связей с католической церковью.

Наиболее ярко в легенде описаны железные доспехи самого короля: «На голове у него был железный шлем. На руках железные рукавицы, на широкой груди железные латы. Левой рукой он держал железное копье. В правой руке был меч; щит был железный; даже конь его, по крепости и цвету, казался железным», – так цитирует предание Грановский [2, с. 240]. С большой долей вероятности можно предположить, что железные доспехи проникли в легенду из института рыцарства, формировавшегося в это время не без участия самого франкского монарха. Встречаются сведения о том, как Карл несколько раз участвовал в рыцарских обрядах. Со временем сложился ритуал посвящения в воины. На юношу, достигшего известного возраста, надевали доспехи, вручали меч и произносили целый ряд клятв, которые он должен был соблюдать, вступая в воинское братство [1, с. 255]. Зафиксировано, например, свидетельство о том, как в 781 г. сын Карла Великого Людовик уже в 13 лет получил от отца «меч воина» [6, с. 116].

Второе предание называется «Карл Великий и змея». Сюжет состоит в том, как Карл во время своего визита в Цюрих [в те времена это был еще не город, а кельтско-германское поселение Турикум. – *Е.М.*] приказал поставить столб и привязать к нему колокол со спущенной до земли веревкой, чтобы каждый подданный мог подать сигнал о своей жалобе и быть допущенным к суду самого короля. Однажды Карлу пришлось рассудить не только человека, но и змею, которая пожаловалась на жабу, захватившую ее жилище. Если рассматривать противоречивость символа змеи (мудрость и коварство) и жабы (живительная блага и атрибутика колдовства), то в таком контексте они олицетворяют многомерный облик самого Карла Великого. В своих материалах Грановский старается не преувеличивать достоинства или качества правителя. Поэтому образ Карла Великого выходит из-под пера русского историка многоликим. С одной стороны, это воин с государственным мышлением, законодатель и просветитель, собравший вокруг себя образованных людей, с другой – жесткий правитель, не щадящий жизни подданных, а также многоженец и отец, воспитавший безнравственное семейство.

Третье предание, которое записывает Грановский, называется «Возврат короля Карла из Венгрии». Сюжет разворачивается вокруг похода Карла против аваров, живших уже два века в Паннонии (территория современной Венгрии), и его обещания любимой жене обязательно вернуться через десять лет [в реальности война длилась восемь лет, с 781 по 799 г. – *Е.М.*]. Здесь отчетливо чувствуются аналогии с поэмой Гомера «Одиссея»,

символизирующей долгое и трудное возвращение воина-героя домой. Это предание для Грановского является, пожалуй, самым ярким примером «признательной памяти» потомков и «народного воображения» [2, с. 243].

Самым последним мифологическим свидетельством является то, когда, уже будучи в «закатном» возрасте своей жизни, Карл заплакал, услышав известие о том, что разбойничьи суда захватили несколько франкских кораблей. Рассказ представляет Карла Великого отцом, заботящимся о будущем своих детей, и завершается словами: «Что же будет после меня, если при мне уже грабят норманны» [1, с. 293].

Собрав воедино вышеизложенное, можно высказать ряд обобщающих соображений.

Факты. Образ Карла Великого, вышедший из-под пера Грановского, документально изложен стройно и обоснованно. В лекциях, статьях и публичных выступлениях Грановского историческая личность предстает в трех образах – завоевателя, законодателя, просвещенца. Каждый образ носит емкий характер с той точки зрения, что все причины и результаты деяний монарха рассмотрены в контексте всеобщей истории. История правления Карла Великого встроена Грановским в поток имманентно взаимосвязанных событий средневековой культуры. Например, если анализируются тексты «капитуляций», то обязательно отмечается, что первые главы были созданы еще при Меровингах, упорядочены и актуализированы при самом Карле Великом, затем утрачены в последующие времена, но не целиком, а с сохранением практики административных марок. Схожие примеры таких сквозных «линеек» Грановского можно привести и с историей просвещения, и с историей летоисчисления. Первая историческая связка: до правления Карла – упадок образования, в его правление – школы, впоследствии – университеты; вторая связка: до правления Карла – Юлианский календарь, введенный Юлием Цезарем, в его время – признание календаря, впоследствии – реформа летоисчисления, которая послужила дополнительным поводом раздора между католиками, принявшими новое летоисчисление в 1583 г., и протестантами, считающими, что надо чтить и хранить традиции деяний великого императора.

Мифы. Если деятельность Карла Великого фиксируется Грановским в триаде «завоеватель – законодатель – просветитель», то предания об императоре он распределяет несколько в ином ракурсе – «воин – судья – любящий муж и отец». Грановский признает значимость легенд о великих событиях и людях. В классификации его источников предания и свидетельства помещаются между историческими фактами и поэтическим наследием народа. В какой-то мере это совпадает с интерпретацией мифа как поэзии и «прекрасной видимости», представленной в книге К. Хюбнера «Истина мифа» (1996) [7]. Разумеется, Грановский, профессиональный историк, строго разделял естествознание и поэзию. В отношении фактов, представленных с противоположных позиций, Грановский любил повторять, что ис-

торик не может принять ничью из сторон, пока не будут собраны уточняющие сведения о времени и месте события. В отношении мифов он не был столь строг, предпочитал говорить о преданиях как о искусстве, как о плодах народного воображения, помогающего делать историю интересной и трогательной. Нетрудно заметить, как со времени обучения в Берлинском университете Грановский проникся силой традиций немецкого романтизма. Поэтому миф для него был творческим материалом, который создает народ-поэт в собирательном смысле этого слова.

Список литературы

1. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / отв. ред. Е.В. Гутнова, С.С. Дмитриев. М.: Наука, 1986. 427 с.
2. Грановский Т.Н. Предания о Карле Великом // Т.Н. Грановский. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А.А. Левандовский, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 238–243.
3. Ненарокова М.Р. «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1 (101). С. 140–149.
4. Симинченко О.И. Карл Великий: трансформация образа государя в исторических сочинениях // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 6 (70). С. 110–136.
5. Смирнов В.Н. Карл Великий и Петр Великий: идея христианской империи в немецком романтизме и русской общественной мысли первой половины XIX века // Кунсткамера. 2022. № 2 (16). С. 6–17.
6. Элиаде М. Западное католичество от Карла Великого до Иоахима Флорского // М. Элиаде. История веры и религиозных идей: От Магомета до Реформации / пер. с фр. М.: Академический проект, 2012. С. 109–142.
7. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. М.: Республика, 1996. 448 с.

T.N. GRANOVSKY: FACTS AND MYTHS OF MEDIEVAL CULTURE

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the second article on this topic remains the same - to continue to consider how fact and myth are combined in Granovsky's texts, and what research effect such different sources acquire at the output. For clarity of presentation, this time the image of Carolus Magnus was chosen. It is concluded that in Granovsky's writings, evidentiary sources and myths, taken together, help make the appearance of a historical figure multifaceted. Working with facts personifies a professional view of the emperor's activities, and legends and traditions testify to the «appreciative memory» of descendants and the power of the «popular imagination».

Keywords: T.N. Granovsky, history, culture, medieval culture, historical fact, myth.

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2024.